

ЭХО БЕЗМОЛВНЫХ

A woman with long dark hair, wearing a simple, light-colored, textured dress, stands in a dark forest. She is looking up at a tall, slender, glowing tower that rises into a cloudy sky. The tower has a textured, crystalline appearance and is covered in green vines. The scene is dimly lit, with the tower's glow providing the primary light source.

Сергей Павленко

Соавтор: ИИ Qwen

Сергей Павленко
Эхо Безмолвных

«Автор»

2026

Павленко С. С.

Эхо Безмолвных / С. С. Павленко — «Автор», 2026

В мире, где правда карается болью, а слова становятся ловушкой, целительница Элира пытается спасти брата от «Вознесения» — ритуала, который забирает сознание, оставляя лишь блаженную оболочку. Но нейро-поле Сияющих блокирует любой крик о помощи. Каждая попытка назвать правду превращается в физическую пытку. Её горло знает только вкус ржавчины. Когда слова бессильны, остается только один язык. Язык, который система не может перехватить. Язык крови, жестов и безжалостной тишины. «Эхо Безмолвных» — психологическая антиутопия о цене сопротивления и трансформации жертвы в хищницу.

© Павленко С. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Сосуд, из которого вытекла вода.	6
ГЛАВА 1. Вкус ржавчины.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эхо Безмолвных

Глава

Иллюстрации – Leonardo . ai

Пролог. Сосуд, из которого вытекла вода.

Кожа на предплечье вернувшегося мальчика была теплой, но под ней не было ничего. Ни пульсации крови, ни дрожи жизни. Только пугающая, абсолютная неподвижность.

Элира прижала два пальца к его лучевой артерии. Пустота. Кожа напоминала теплый воск, оставленный на солнцепеке, — не лихорадочный жар инфекции, а застойное, искусственное тепло.

Сквозь узкий проем глинобитной хижины доносился ритмичный, глухой стук деревянных пестиков, перетирающих зерно. Воздух внутри помещения был густым от запаха сырого кострового дыма и приторной, сладковатой гнили перезревших фиолетовых фиг. Руки Элиры, шершавые, как кора старого дерева и навсегда окрашенные вевшимся зеленым соком молока, слегка дрожали. Она осознала это лишь тогда, когда большой палец сам собой нащупал костяной амулет на грубой веревке у ключицы. Он был ледяным, тяжелым, как груз невысказанных слов, и это прикосновение к грубой реальности немного отрезвило её.

Она перевела взгляд на его лицо. Тарен. Двенадцать лет. Вернулся из «Вознесения» три дня назад. Его губы были растянуты в застывшей, блаженной улыбке, которая не затрагивала глаз. Глаза оставались открытыми, устремленными в соломенный потолок, но зрачки были расширены, черны и не реагировали на мерцающий янтарный свет масляной лампы.

Элира приоткрыла рот. На языке: «Пустой». Она попыталась вытолкнуть звук. Предупредить мать, тихо всхлипывающую в углу. «Он пуст. Они его забрали.»

Резкий, металлический привкус ржавчины хлынул в рот. Жевательные мышцы свело жестоким, неконтролируемым спазмом. Воздух в легких внезапно запахом озоном, едким и электрическим, заглушая запах дыма. Левый глаз на долю секунды потерял фокус, изображение поплыло. Нейро-цензура. Невидимая сеть Сияющих.

Элира сглотнула желчь, заставляя горло расслабиться. Она не могла произнести правду. Язык сломался.

Поэтому она использовала безопасную гавань.

— Корни гниют изнутри, мать, — прошептала Элира, и её голос прозвучал хрипло, как трение сухих листьев. — Сосуд здесь, но вода вытекла.

Это была бытовая метафора, которую мониторы Сияющих сочтут примитивным деревенским суеверием и проигнорируют.

Она прижала ладонь плашмя к груди мальчика. Кожа была лишенной пор, гладкой, как внутренняя сторона раковины моллюска. Никакого подъема. Никакого спада. Грудная клетка была лишь скульптурным фасадом.

1 Рис. Блаженная улыбка и беззвучный крик тени.

Масляная лампа чаднула, отбрасывая на неровную глиняную стену длинные, пляшущие тени. Элира отстранилась, вытирая вспотевшие руки о подол своей домотканой рубахи, пахнущей сушеной полынью и сырой землей. Она посмотрела на стену.

Тело мальчика оставалось на циновке идеально, пугающе неподвижным. Но его тень...

На крошечную долю секунды темный силуэт на глине не совпал с телом. Челюсть тени неестественно отвисла. Блаженная, нарисованная улыбка исказилась. Теневые пальцы впились в собственное горло, раздирая его до черных лоскутов.

Затем фитиль лампы вспыхнул ярче. Тень рывком вернулась в идеальное, блаженное соответствие с неподвижным телом.

Диафрагму свело спазмом. Пальцы впились в костяной амулет так сильно, что шершавая веревка врезалась в кожу шеи до боли.

Вкус ржавчины вернулся. Острее. К нему присоединился низкий, вибрирующий гул. Он шел с неба.

Они не спасли его. Они вычерпнули его до дна. И то, что оказалось заперто внутри этой восковой оболочки, всё ещё кричало.

ГЛАВА 1. Вкус ржавчины.

Запах толченой древесной золы перебивал приторную сладость гниющих фиолетовых фиг. Элира втирала серую пыль в щеки двенадцатилетнего мальчика, стараясь скрыть румянец здоровья под слоем грязной маски. Её пальцы, привыкшие различать яд и целебный сок на ощупь, дрожали. Под ногтями чернел въевшийся зеленый сок молочая, контрастирующий с мертвенной бледностью пепла.

— Хватит, сестра, — Тарен дернул плечом, вырываясь из её цепких рук. Его пальцы нервно накрутили длинную нитку на подоле домотканой рубахи. — Ты портишь мне одежду. Глашатаи уже у площади.

— Они забирают не лучших, Тарен. Они забирают тех, кто не задает вопросов, — прошептала Элира. Её глаза, цвета мокрого асфальта после дождя, сузились. Она знала, что это ложь. Они забирали самых сильных. Но сказать правду было невозможно.

Снаружи ритмичный стук деревянных пестиков, перетирающих зерно, внезапно оборвался.

Наступила тишина. Но не настоящая. Из-за пределов деревни, со стороны посадочной площадки, пополз низкий, вибрирующий гул. Он не барабанил по перепонкам, а резонировал прямо в костях черепа, вызывая тошнотворное покалывание в затылке. Нейро-поле активировалось.

Элира схватила брата за запястье. Кожа мальчика была горячей, живой.
— Спрячься в подпол. Сейчас же.

Тарен вырвался. На его лице расцвела та самая открытая, беззащитная улыбка, собирающая морщинки у глаз, которую Элира так любила и так боялась.
— Это Дар Резонанса, Элира. Мне выпала честь. Не мешай мне.

Дверь хижины распахнулась без скрипа.

На пороге стоял Вэйл. Эмиссар Сияющих. Его одежда представляла собой бесшовную, слитную оболочку, меняющую оттенок от кипенно-белого до жемчужно-серого в тени дверного проема. Ни пуговиц, ни складок. Лицо отличалось пугающей, хирургической симметрией. Кожа напоминала матовый фарфор, лишенный пор, тепла и микромики. Он не моргнул. Его черные, не реагирующие на свет зрачки смотрели не на Элиру, а сквозь неё, сканируя помещение.

За его спиной, на улице, замерли двое Глашатаев. Местные коллаборационисты с легким, неестественным свечением в радужке, застывшие в позе идеального послушания.

— Мир этому дому, — произнес Вэйл.

Голос не исходил из его горла. Он возник прямо внутри черепной коробки Элиры, многоголосый, вибрирующий, вызывая мгновенный спазм в висках и металлический привкус на языке.

— Мы пришли за тем, кто отмечен знаком благодати, — продолжил эмиссар, его плавные движения напоминали перемещение в густой воде. — Его разум готов к Великой Тишине.

Элира шагнула между Вэйлом и братом. Гортань сомкнулась, как захлопнувшаяся ловушка. Она должна была крикнуть. Одно слово. «Бегите.»

Она разжала губы.

Резкий, едкий запах озона ударил в нос, полностью вытесняя запах золы и дыма. Жевательные мышцы свело жестоким, неконтролируемым спазмом. Челюсть сомкнулась с глухим щелчком зубов. Левый глаз мгновенно потерял фокус, мир поплыл в мутной пелене. Нейро-цензура. Невидимая сеть Сияющих перехватила намерение, превратив его в физическую пытку.

Она попыталась вытолкнуть звук через сжатые связки. Вышел лишь сухой, хрипящий свист.

Вэйл склонил голову на миллиметр. Его идеальное лицо не выразило ни удивления, ни раздражения. Только холодное, патерналистское любопытство.

— Твой сосуд переполнен страхом, целительница. Страх мешает Резонансу.

Элира сглотнула желчь, заставляя спазмированное горло расслабиться. Она не могла назвать их убийцами. Она не могла сказать, что они вычерпывают души. Язык сломался.

Она использовала безопасную гавань.

— Корни... корни гниют изнутри, — выдавила она, и её голос прозвучал как трение сухих листьев о камень. — Птица бьется о невидимое стекло. Не забирайте его. Он еще не созрел.

Вэйл медленно перевел взгляд на Тарена.

— Созревание — понятие для тех, кто ждет, — констатировал он без тени эмоции. — Он уже готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.